

К 2000-ЛЕТИЮ ХРИСТИАНСТВА: ПРАВОСЛАВНАЯ ИКОНА В НАРОДНОМ БЫТУ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

К.В. ЦЕХАНСКАЯ
(Москва)

ИКОНА В РОДИЛЬНЫХ И ПОХОРОННЫХ ОБРЯДАХ РУССКИХ

Исследователи, обращавшиеся к этнографическому изучению традиционной культуры русского народа, до недавнего времени обходили молчаливо вопросы, связанные с религиозной практикой крестьянства. И это было вызвано не только идеологическими установками, господствовавшими в советской науке. Еще на рубеже XIX—XX веков сложилась своеобразная ситуация, когда фольклористы и этнографы, реконструируя «какой-либо пласт древних представлений по едва угадываемым остаточным чертам», «включали их в характеристику религиозности наблюдаемого ими современника» (указывая на эту тенденцию, М.М. Громько замечает: «записи, сделанные по такой методике, до сих пор служат для некоторых исследователей основным источником при изучении так называемой “духовной культуры” народа в XIX в.»)¹. Так на протяжении десятилетий в науке создавалась искаженная картина русской народной культуры без учета тысячелетней православной традиции. Нередко это было обусловлено плохим знанием православия самими исследователями, поскольку уже к концу XIX века интеллигенция в своей значительной части отошла от веры и не придавала значения религиозным основам русской народной культуры². В советское время данная тенденция только усилилась.

Объективно говорить о проявлениях православного благочестия в повседневной жизни народа в конце XIX — начале XX века сегодня позволяет обширное архивное наследие. Поэтому основным источником для данной статьи послужили рукописные материалы о жизни крестьян, сделанные в 1896—1900 гг. по заказу организатора Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Анкеты, представленные корреспондентами бюро из центральных губерний России, дают возможность, в частности, показать роль иконы в родильных и похоронных обрядах русской деревни начала XX века.

На Руси иконы почитали со времен Крещения, в соответствии с каноническими правилами Церкви, закрепленными Деяниями VII Вселенского Собора (787 г.), а также установлением праздника Торжества Православия. В одной из летописей говорилось: «Иже святым иконам не поклоняется, чюжь есть веры святяя, яко иконная честь на первый образ переходит»³. Православный идеал большинства крестьян находил воплощение именно в иконе, которую святые Отцы называли «Библией для неграмотных», поскольку в ней через видимые образы, понятные простым людям, мистически запечатлевался тот божественный, невидимый мир, к которому должен стремиться каждый верующий.

Занимая значительное место в практике православного благочестия, икона сопутствовала русскому человеку на протяжении всей его жизни и вносила неоценимый вклад в духовное становление личности. Она благословляла и освящала два особо значимых события в жизненном цикле христианина — рождение и смерть. Этим важнейшим событиям соответствуют родильный и погребальный обряды, в которых икона играет важную смысловую роль.

Будучи православными по своей сути, родильный и погребальный обряды в процессе бытования на протяжении многих веков обретали черты народной религиозности. Крестьяне, желая «лучше послужить Богу», усиливали «ревность» собственными установлениями, не всегда соответствовавшими церковному канону. В этих случаях народное религиозное сознание творчески переосмыслило действительность, и тогда появлялись трансформированные легенды из Священного Писания, неканонические молитвы, народные дополнения в службах праздников, в изображении святых на иконах и др. Крестьяне нередко материализовали духовный мир, стремясь приблизить его к себе, сделать более понятным. Со временем многое из народного благочестия так слилось с жизнью, что стало едва ли не правилом в деревенском быту, наиболее стойко сохранившем обычаи прошлых веков.

Уже подготовка будущей матери к родам была связана с иконой и молитвой. 19

С первого дня шевеления ребенка женщина каждый вечер делала три поклона перед иконами и читала следующую молитву: «Рождество Богородицы, жена Мироносица, зародила невидимо и разрешила Пресвятая Богородица, не оставь, не покинь меня грешную, потерпи моим грехам» (Пудожский у. Олонецкой губ.)⁴. На Кенозере, в д. Глушево в начале века была часовня во имя Собора Пресвятой Богородицы. В народе она считалась поставленной в честь «Богородицы Жены Мироносицы» (по-видимому, подразумевалось, что Богородица тоже была в числе жен-мироносиц, что соответствует Церковному преданию); сюда ходили будущие матери, молились, ставили свечи перед местной иконой⁵. В некоторых уездах Тульской губ. верили в помощь распространного в народе апокрифа «Сон Пресвятой Богородицы», текст которого хранили за иконами. Считалось, что роды пройдут легче, если женщина будет постоянно носить его с собой или во время родов положит в головах, читает сама или даст причитать кому-нибудь другому. Такой же силой обладала молитва, помещенная в некоторых вариантах этого сна: «Господь со мною, Господь оберегает меня, рабу твою, имярек, во дни, и в ночи, и на всякий час! Прошу и молю Тя, Господи, через муку Твою святую, которую претерпел нас ради грешных, и кровь святую праведную, юже излиял! Святыи Пророче Предтече Господень Иоанн и вси святици! Молите о мне грешной милостиваго Бога дати ми дитя породить!»⁶.

Корреспондент Тенишевского бюро В. Чапурский из Вологодской губ. сообщал в 1899 г., что при начале родов женщины молились: «Пресвятая Богородица, отпусти матушку Соломониду, не погнушайся мене, грешной, помоги мне при родах»⁷. По предстательству крестьян, когда Божией Матери пришло время разрешиться от бремени, святой Иосиф привел Соломониду, которая приняла младенца⁸. О ней упоминается в некоторых апокрифах⁹. В честь мнимой восприимницы Спасителя на севере России 26 декабря* варили кашу и угощали повитух — обычай, получивший название *бабы каши*.

В Екатеринбургской картинной галерее есть икона «Рождество Христово», очевид-

Церковная живопись, или иконопись, внушаемая духом веры христианской и возникшая во времена апостольские, достойна внимания и исследования не по одной только художественной части, но и по внутренней ее связи с догматами, таинствами и священнодействиями православной восточной церкви, по влиянию на религиозную жизнь русского народа...

(Снегирев И. М. Взгляд на православное иконописание // Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв. Антология. М., 1993. С. 101).

но старообрядческого происхождения, где Соломонида изображена с нимбом вокруг головы¹⁰. В некоторых старообрядческих согласиях Соломонида или Соломия почиталась как святая, известная под именем *бабушки Соломониды*, и чествовали святую также 26 декабря, угощая всех повитух. На юге России в этот день сельские женщины носили в церковь пироги, думая этим почтить Богородицу (пока в 1590 г. не вышел запрет Киевского митрополита Михаила на нека-

ноническое почитание Божией Матери¹¹).

В Московской губ. в конце прошлого века роды у крестьян происходили преимущественно дома (ср. распространенный во многих губерниях обычай рожать в бане). В помощь роженице приглашали повивальную бабуку — *бабушку*, которая, зайдя в дом, сразу же зажигала лампы у икон, молилась, а уж потом осматривала женщину¹². При трудных родах бабушка просила домашних, особенно мужа, молиться усерднее, «в землю». Иногда обходили с иконой вокруг дома. Между тем повитуха шептала: «Господи Иисусе Христе, Николай Угодник, Пятница Параскева, Варвара великомученица, простите меня, все православные христиане, мать сыра земля, небо синее, солнце ясное...»¹³. «Чтобы облегчить страдания родильницы и скорее призвать в сей мир новую душу, — замечал А. Н. Афанасьев, — издавна было принято зажигать венчальные свечи»¹⁴ (в Вятской губ. их зажигали только в том случае, если роженица была замужем не меньше десяти лет¹⁵).

Жизненная концепция «Бог дал детей», по мнению Т. А. Листойвой, отражала «веру воспитанного в христианстве человека во взаимосвязь всего происходящего на земле с благословением и покровительством <...> святых»¹⁶. Вот почему при родах часто служили молебны святым, считавшимся скорыми помощниками в родах: св. вмч. Екатерине, св. вмч. Варваре, Пресвятой Богородице Феодоровской, Треручице, образу Успения Пресвятой Богородицы или запрестольному образу Божией Матери, находящемуся в местном храме¹⁷. В народе устойчиво бытовало поверье, что Божия Мать невидимо присутствует при родах и облегчает муки рожениц, с верой Ее призывающих, поэтому в критические минуты, когда смерть оказывалась близкой, женщине подносили икону Богоматери, называемую «Помощь в родах» (день празд-

нования — 26 декабря). Этот образ, по иконографии напоминающий «Знамение», хранился во многих благочестивых семьях. Молились также и другой иконе, называемой «*Образ Пресвятой Богородицы, Помогательницы женам чады роддати*» (26 декабря). На ней в обрамлении полумесяца изображена Божия Матерь с непокрытой головой и распущенными волосами, держащая на руках Богомладенца.

Среди многочисленных примет и магических действий, направленных на благополучное рождение ребенка, немало было и связанных с храмом. Представления о том, что любая замкнутость мешает быстроте родов, бытовали повсеместно (ср. обычной развязывать узелки на одежде роженицы и ее близких, открывать все двери и замки). С этой же целью при трудных родах шли к священнику с просьбой отворить Царские врата. А. Балов писал, что «большинство священников не находит ничего дурного в этом обычае и охотно исполняют просьбы крестьян»¹⁸. Чтобы преодолеть подобное суеверие, священникам от Синода было дано указание разъяснять прихожанам, что открывать Царские врата для испрошения небесной помощи родильнице можно лишь при совершении какого-либо молитвословия¹⁹.

В Двинской волости Вологодской губ. в число суеверных примет, способствующих ускорению и облегчению родов, входило поверье о воде с трех церковных свечей: первая — запрестольная свеча перед иконой Божией Матери; вторая — кадилыная свеча диакона; третья — свеча, которая выносится с подсвечником при малом и большом выходе. Женщины брали огарки этих свечей и окачивали их водой, которую пили потом при трудных родах²⁰. Использование так называемых «священных» предметов, т.е. тех, что находились в церкви и на которых почивает сила Божия, считалось к тому же надежным оберегом от всякого зла²¹. Так, в Пошехонском уезде Ярославской губ. крестьяне употребляли все известные охранительные средства для матери и новорожденного, поскольку считали, что до крещения у младенца нет ангела-хранителя, а злые духи стараются завладеть его душой и принести вред родильнице.

Если роды происходили дома, то на третий день приглашали священника, который читал очистительную молитву для всех, находившихся при родах. Сама же женщина считалась «нечистой» еще шесть недель, в течение которых она не должна была ходить в церковь, зажигать лампы и прикасаться к иконам. В народной же практике существовал обычай *размывания рук* (Тульской губ.). Недели через две после родов, когда женщина достаточно попра-

вится, повивальная бабка, которая оставалась все это время в доме роженицы, помогала ухаживать за новорожденным, зажигала перед иконами свечу. После общей молитвы домашних в сосуд с водой клали хмель, яйцо и овес. Этой водой мыли младенца, а также умывались все, кто принимал какое-либо участие в родине²².

Крестили ребенка как правило на восьмой день после рождения, или раньше. В ряду семи Таинств православной Церкви крещение занимает первое место, так как только оно дает право называться христианином и называть Бога своим Отцом («*Отче наш, иже еси на небесех...*»). При Таинстве крещения человек через троекратное погружение в освященную воду во имя Отца и Сына и Святого Духа очищается от всех грехов, т.е. первородного греха (Адамова), и рождается в новую духовную жизнь. Мальчика священник вносит в алтарь, обходит с ним престол и наклоняет младенца над ним в знак поклонения престолу. Затем, приложив новокрещенного к одной из икон в алтаре около жертвенника, выносит на амвон. Девочку в алтаре не вносят, священник прикладывает ее к иконе (чаще Божией Матери) около Царских врат²³.

В народной традиции в день крещения повивальная бабка мыла ребенка и затем укладывала в святой угол на вывернутую наизнанку шубу для обеспечения счастливой и богатой жизни. Из церкви приносила младенца крестная мать. Войдя в избу и положив его под иконы, она обращалась к матери и ко всем родным: «*Поздравляю вас (с) окрещением младенца! Как видели его под крестом, то дай нам Бог видеть его под венцом!*»²⁴.

В Тульской губ. в крестные (кумовья) приглашали кого-нибудь из близких родственников или хороших знакомых. Если же прежде рождавшиеся дети умирали, в крестные звали первого встречного, чтобы новорожденный был жив. Приглашая в кумовья, отец ребенка говорил: «*Пойди, введи младенца в православную веру*»²⁵. Когда же крестник (крестница) будет жениться или выходить замуж, он обязательно должен испросить благословения у своих крестных отца и матери, и те благословят его иконой.

В Орловской губ. после крестин полагалось идти в дом роженицы, где стол уже был накрыт белой холщовой скатертью. Перед иконами зажигались восковые свечи, лавки и скамейки покрывали полотенцами. Благословляя трапезу, священник читал молитву Господню или же брал новорожденного на руки и, держа перед иконой, пел тропарь: «*Радуйся, Благодатная Богородица Дево...*». Гости молились, затем свечи перед иконами тушили, и начиналось

застолье. Перед уходом батюшка также читал молитву, обращаясь к иконам²⁶.

День крестин считался днем духовного рождения. В дальнейшем, на протяжении всей жизни человека, как напоминание об этом событии повсеместно принято было праздновать день ангела или именины, считавшиеся значительнее дня телесного рождения. В состоятельных семьях в день ангела к праздничному столу приглашали гостей, приносили подарки, духовные же лица благословляли именинников иконой.

В конце прошлого века в некоторых приходах Херсонской епархии и на Кавказе существовал обычай дарить *именные иконы*, т.е. иконы с изображением тех святых, имя которых дано новокрещенному. Такие именные иконы изготовлялись Свято-Андреевским братством в Одессе, а позднее там же фирмой Е. Фесенко. На некоторых из них были тропарь святому, а на оборотной стороне каждого образка печаталось краткое житие святого²⁷. После рождения ребенка, если позволяли доходы, заказывали так называемые *родимые* или *мерные иконы*, которые писались в честь тезоименитого новорожденному святого в меру роста младенца. По воспоминаниям современников, мерные иконы до революции еще оставались над царскими гробницами в московском Архангельском соборе.

Почти в каждом доме хранилась *родовая икона*, которой благословляли в разных случаях жизни, хранили и передавали из поколения в поколение. Истории известны многие из таких икон: чудотворная «Почаевская» (день празднования — 23 июля, 8 сентября), «Калужская» (2 сентября, 12 октября), «Взыскание погибших» (2 февраля), «Утоли моя печали» (25 января, 9 октября) и др. Помещики Вязьмитины из Севского уезда Черниговской губ. подарили свою семейную икону Дубовицкой Божьей Матери Севскому Спасскому монастырю. Причем чтимая в семье святыня была передана с обеспеченным капиталом на лампаду и неугасимую свечу. Риза на иконе была вызолочена по серебру, а венцы украшали дорогие камни²⁸. Другая известная своими чудотворениями икона — «Всех Скорбящих Радость (с грошниками)» (24 октября) из Санкт-Петербурга — также когда-то была родовой святыней Куракиных. Последний ее владелец — Семен Иванович Матвеев в память своего спасения в водах Ладожского озера передал образ в часовню, куда после шторма и гибели товарищей его прибило волнами²⁹.

Забота матери о ребенке была немалым делом без постоянной молитвы о нем. Ребенок в народе всегда считался *«ангельской душой»*, что нашло отражение во множестве суеверий. Так, любуясь на своего спящего младенца, мать часто наблюдает за

улыбкой на его лице. В это время — отмечает один из корреспондентов Этнографического бюро, народный учитель Дивильковский, — по ее глубокому убеждению, сам ангел-хранитель «гулит» младенца или же *«андельская душенька с ним беседует, на все доброе наставляет»*. Тревожить ребенка в это время нельзя — *«андел уйдет, а нечистый-то андельские речи и начнет разбивать»*. Наоборот, когда ребенок всхлипывает сквозь сон или «голосом» плачет, это значит, что его *«нечистая сила стращает»* и тогда почаще надо благословлять колыбель³⁰. Чтобы избежать этого в Ярославской губ. делали из соломы крестик, «вспрыскивали» его святой водой и клали в изголовье ребенку: *«Тогда нечистый и перестанет смущать»*³¹.

«Хрестик» или образок с изображением Богородицы, святого (тезоименитого, почитаемого в данной местности, др.) обязательно привешивали ребенку на колыбель. Кроме того, поскольку Богородица всегда считалась покровительницей матерей и младенцев, в каждой семье непременно был Ее образ. Особенной иконой, через которую родители по своим молитвам надеялись укрепить здоровье детей, была *«Икона Божия Матерь избивенных младенцев от Ирода»* (день празднования — 29 декабря). На ней в облаках изображалась Богородица с Младенцем, как венком окруженная нагими младенцами. Сложное название и иконография образа пришли из истории. В 1620 г. Иерусалимский патриарх Феофан привез в Киев мощи одного из младенцев, убитых в Вифлееме по повелению царя Ирода. Мощи в серебряном ковчеге поместили в Киевской пещере преподобного Феодосия и, неизвестно почему, стали почитать с именем Иоанн. Сюда, к святому младенцу-мученику, приходили многие матери с молитвами о здравии детей, а также о разрешении бесчадия. Сама же икона находилась в Ильинской церкви Вологды (упомянута в церковной описи за 1809 г.)³².

Как у многих других народов, в русских деревнях матери считали необходимым кормить детей своим молоком как можно дольше. Но иной раз срок этот слишком затягивался. Для отлучения от груди применяли разные средства: клали за пазуху щетку, мазали соски солью или горчицей. Однако, если и это не помогало, в Орловской губ. существовал целый обряд «отсаживания» от груди. Ребенка сажали за стол, клали около него краюху хлеба, посыпанного солью, ставили кружку воды, зажигали перед образами свечу и молились. Затем мать брала ребенка на руки, целовала, передавала кому-то из семьи и давала хлеб с водой со словами: *«Дай тебе Бог час от груди отстать и к хлебушку пристать. Пошли тебе Бог семеро ног»*. После мать

уходила на 2—3 дня к соседям, чтобы ребенок совсем отвык от материнского молока³³.

Если ребенок заболел, то считалось, что лучше всего помогает в этом случае молитва перед образом Тихвинской Богородицы или преподобному Симеону Богоносцу³⁴. Иногда больных младенцев поили водой, слитой с иконы св. Тихона или с иконы, данной в приданое как благословение. Однако случалось, что смерть была неминуемой: тогда люльку с умирающим младенцем ставили под иконы, так как в «*вищей люльке умирать тяжело*». Родители давали благословение на тот свет. По предстательствам крестьян, ребенок, умерший до семилетнего возраста, непременно «пойдет» в рай, а моложе трех лет может даже «*поступить в ангелы*»³⁵.

Как непостижимо для ума происходит соединение души с телом в утробе матери, так же таинственно бывает разделение души и тела. Однако весь жизненный путь, который проходит человек, с христианской точки зрения есть подготовка к будущей вечной жизни, к Царствию Небесному. «*Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав на землю, не умрет, то принесет много плода*» (Ин. 12: 24). Каждый православный человек просит у Бога христианской кончины — «*безболезненной, непостыдной и мирной*». Предсмертные часы и минуты — самые ответственные в жизни христианина. Православные люди в течение всей своей жизни помнят о своем смертном часе, и эта память устрашает их от греха и утешает, так как только вера в загробную жизнь может укрепить страдающего человека на смертном одре.

Последний путь православного человека также связан с иконой. Видя приближение смерти главы семьи, родные просили у него благословения, и умирающий, часто с помощью кого-либо из членов семьи, благословлял их одной из домашних икон. В этих случаях, как правило, избирали образ Спасителя, Богоматери или особо почитаемого на Руси Николая Чудотворца. Если в доме хранилась родовая икона или та, которой благословляли на брак (часто это одна и та же икона), то брали с божницы именно ее.

Чтобы облегчить конец умирающего, его клали под иконы, в передний угол, а в головах зажигали четверговую (сохра-

ненную со Страстного Четверга) или венчанную (с которой он стоял перед венцом) свечу — «*чтобы скорее Бог прибрал*»³⁶. После смерти покойного «собирали» на столе, перед образами (причем голова его должна быть обращена в Красный угол)³⁷. В храме же, при отпевании, и в могилу усопшего клали головой к востоку. Казалось бы и в домах следовало бы придерживаться этого правила. Однако, — указывает Т.А. Листова, — в Псковской обл. иногда клали наоборот, «так, чтобы смотрел на иконы». В наше время «священники иногда указывают, что более соответствует церковному учению второй вариант, и во время заупокойной службы на дому требуют развернуть гроб»³⁸. По поверью, бытовавшему в Череповецком уезде Новгородской губ., положение умирающего головой на восток важно еще и потому, что при исходе души из тела в избе присутствуют ангел и дьявол: ангел «*по эту сторону матицы*» (основная балка в избе. — К.Ц.), т.е. в передней части избы, а дьявол «*по ту сторону матицы*», в задней половине избы. Если умирающий лежит на святом месте, около икон, к нему «*дьяволу подходит не позволено, даже грешная душа может попасть в руки ангела*». Тут у ангела с дьяволом, по крестьянским понятиям, начинается борьба, «*и, если последний не возьмет "верха", то есть не отобьет у ангела душу, ангел будет сопровождать ее по мытарствам сорок дней и, наконец, отнесет в рай*»³⁹.

На лоб умершего кладут венчик с изображением Иисуса Христа, Богоматери, св. Иоанна Предтечи и со словами Трисвятого. Это означает, что христианин, окончивший свою земную жизнь, украшается венцом, как воин, одержавший победу, и на-

...Перейдем в крестьянскую избу; там в ее переднем, святом углу занимает почетное место божница с св. крестами и иконами, которые поселянин, по простоте своей и неведению, иногда называет богами. Здесь домашний его жертвенник, пред которым он возносит свои молитвы, изрекает задушевные обеты. Здесь благословляется он к брачному венцу, здесь ставится свадебная трапеза, здесь одр для умирающего и гроб для усопшего.

(Снегирев И. М. Взгляд на православное иконописание // Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв. Антология. М., 1993. С. 105).

деется за свои подвиги получить венец по милосердию Троицкого Бога и ходатайству Божией Матери и Предтечи (2 Тим. 4: 7—8). Мужчинам в гроб в левую руку или на грудь обычно кладут небольшой образ Спасителя или Николая Угодника, женщинам — образ Божией Матери. Погребают вместе с иконкой в знак того, что усопший веровал в Христа и теперь передает ему душу, переходит к лицезрению его и святых.

Специальных церковных установлений относительно погребения с иконами никогда не было. Однако многие истори-

ческие свидетельства дают основание говорить о повсеместном распространении этого обычая, уходящего своими корнями в первые века христианства на Руси. Так, в Кормчей XIII в. упоминалось, что «икону погребли бохоу с мертвецом святого Михаила»⁴⁰. В житиях святых и подвижников благочестия последующих веков нередко встречаются подобные упоминания. Известно, например, что святого преподобного Серафима Саровского похоронили с иконой его любимого святого Сергия Радонежского. Традиция подобного православного погребения бытует и теперь. Наш современник старец Захария, похороненный на Введенском (Немецком) кладбище, при жизни не расставался с иконой святой Троицы, с ней же его и похоронили⁴¹. В наше время верующие считают обязательным в гроб класть маленькую икону. Как в начале XX в., так и теперь в некоторых местностях существует обычай после отпевания как бы в дар оставлять небольшую икону в церкви. В Вологодской губ. икону, которая стояла перед покойником, «спускали в воду». Во Владимирской — иконы, часто обветшалые, крестьяне привозили в церковь на гробах умерших, где и оставляли⁴². Г.А. Носова, изучая современные формы похоронного обряда, отмечает, что образки оставляют в церкви до сорока дней, а затем возвращают в дом умершего⁴³.

В XIX — начале XX века похоронный обряд был четко регламентирован⁴⁴. После отпевания похоронная процессия направлялась на кладбище. Впереди несли крест или икону. В северо-восточных епархиях России это поручалось малолетним родственникам умершего. В Ярославской губ. мальчик нес икону из дома покойного на «новине» (кусок холста или полотенец). После погребения новина отдавалась первому попавшемуся навстречу нищему как милостыня по душе умершего⁴⁵. В Рязанской губ. объясняли, что это делается для того, чтобы покойному простился его первый тяжкий грех. Во Владимирской губ. получивший «стречу» или «встречник» считался счастливым, потому что на том свете покойный первым будет его встречать, загораживая от «плохих путей» в ад и постилая этот холст на пути к местам блаженства⁴⁶.

Икону, которую несли на кладбище впереди покойника, во Владимирской губ. оставляли на сорок дней в церкви, по праздничным дням возжигали перед ней свечи, а потом забирали домой. В д. Вичкиной Бутырицкой волости икону эту прилаживали к столбику на границе деревни⁴⁷. Во Владимирской и некоторых других губерниях такие столбики, кресты и часовенки встречались на дорогах и перекрестках дорог, на «рубезжах» полей соседних селений. Стави-

ли их также на полях, лугах и в лесах. Делалось это для того, чтобы путник при необходимости мог обратиться к образу Божью. В случае внезапной смерти, наступившей в дороге, с последней молитвой также обращались к этим дорожным иконам⁴⁸. «Только корова да баба, — говорили крестьяне, — дома помирает, а хозяин да мирянин — все на стороне»⁴⁹.

У границы деревни, откуда родом был умерший, похоронная процессия останавливалась. Родные «подавали через гроб» «милостыньку» провожающим. Некоторые прощались и возвращались обратно⁵⁰. На кладбище до XVII в. после того, как гроб опускали в могилу, все целовали образа и ели кутью.

Элементы суеверий во все времена смешивались с православной верой. Считалось, например, что душа умершего, сохраняя еще земные привязанности, прилетает то к дому, где он жил, то к гробу. Поэтому в центральных и северных губерниях России на второй день после смерти на божницу ставили чашку с водой и блином (или куском хлеба). В течение сорока дней каждые сутки воду выпивали, а хлеб подавали нищим. В Костромской и Олонецкой губ. сразу после смерти домочадца под иконами ставили сосуд с водой и вешали полотенце, чтобы душа в течение сорока дней умывалась; верили также, что ночью умершие родители тираются им и на полотнище остается черный след, потому что, посещая свое земное жилище, души сидят на висящих около икон рушниках⁵¹. Во Владимирской губ. говорили, что в то время, когда душа обмывается, вода в стакане «покулыхнется»⁵². Там же в д. Михалково на божницу на холстинке, кроме воды, клали кусок хлеба со щепоткой соли и «хлебальную ложку». Считалось, что в продолжение сорока дней душа будет приходить и есть этот хлеб. На сороковой день хлеб отдавали вместе с холстинкой, и батюшка «отпускал душонку». Она отправлялась в уготованное для нее место «до суда»⁵³.

Многие благочестивые верующие завещали передать свои иконы в церковь. Обычай этот бытовал повсеместно. До революции в Успенском соборе Кремля было много икон из царских покоев. Домашние образы князей, царей и митрополитов, переданные после смерти, размещались по стенам и столпам соборов⁵⁴. Места погребения святых подвижников благочестия также традиционно почитались на Руси. Их надгробия украшали шитыми покровами и иконами⁵⁵. Как отмечал Г. Филимонов, еще в XI в. в Киево-Печерской лавре встречались так называемые *портретные иконы*⁵⁶. Таковыми были образы тогда еще не канонизированных преподобных Антония и

Феодосия. Церковный историк Е.Е. Голубинский писал, что «поясные изображения подвижников или их иконы в смысле портретов были не только сближаемы с настоящими иконами действительных святых, но почти что, а иногда и совсем, были отождествляемы с ними»⁵⁷.

В Архангельском соборе — усыпальнице русских князей и царей в XVI—XVII вв. — был обычай ставить на гробницах государей образ небесного покровителя. Могли изображаться и сами почившие. Подобные иконы стояли в Успенском соборе Иосифо-Волоцкого монастыря на могилах Волоцких князей⁵⁸. С XVI в. в Ниловой пустыни на о. Селигер находится чудотворная Владимирская-Селигерская икона Богоматери. В обитель она была принесена самим преподобным Нилом Столбенским и после его смерти находилась при его мощах. Другая замечательная икона Знамение-Владимирская, которая сопровождала Александра Невского в битве со шведами и ливонскими рыцарями на Чудском озере, была поставлена над ракой святого благоверного князя⁵⁹. 25 августа празднуется явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию Радонежскому. В честь этого события была написана икона, где изображено явление Богоматери святому Сергию. Образ находится в Троице-Сергиевой лавре в Троицком соборе на том месте, где стояла келья святого угодника и было явление ему Божией Матери. Как свидетельствует надпись на задней стороне иконы, она была написана на верхней доске гроба преподобного Сергия. Икона представляет собой складень⁶⁰.

На обычной могиле, кроме креста, иногда ставили еще и икону, а на могилах лиц святой жизни их бывало помногу. Крест на могиле христианина — знак его веры в Христа Спасителя мира и надежды на спасение. Присутствие же иконы Спасителя, Божией Матери или какого-нибудь святого служило выражением надежды близких усопшего, что он находится под незримым покровом тех, кто изображен на иконе и кого он чтит при своей жизни. Вместе с тем, присутствие иконы давало возможность родным, пришедшим на могилу, помолиться и похоронить душу об упокоении души перед лицом незримого помощника. Поэтому на кладбище приносили маленькие образки, которые служили как бы видимым выражением веры и надежды на молитвенное осенение почившего с небесных высот. В Архангельской обл. до сих пор ставят деревянные кресты с врезанными литыми иконками.

Икона в православной традиции русских занимает особое, часто главенствующее место в обрядах. Освящение иконой —

знак божественной благодати, исходящей от нее как символа Богосущего. Недаром в родильных и похоронных обрядах икона выполняет роль посредника между Богом и человеком.

Примечания

¹ Громько М.М. Этнографическое изучение православной жизни русских в XX веке (Обзор основных тенденций) // Исторический вестник. Москва; Воронеж, 1999. С. 9—10.

² Там же.

³ Цит. по: Кондаков Н.П. Русская икона. Прага, 1931. Т. 3. Ч. 1. С. 26.

⁴ Харузина В. Несколько слов о родильном и крестильном обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонецкой губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 1. С. 88.

⁵ Там же.

⁶ Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным // Этнографическое обозрение. 1895. № 4. С. 73.

⁷ Российский этнографический музей (РЭМ). Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева. Фонд 7. Опись I. Д. 162. Л. 2.

⁸ Об этой легенде см.: Цеханская К.В. Икона в жизни русского народа. М., 1998. С. 163.

⁹ Об этом: Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М., 1989. С. 112, 124—125; Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С. 79 и др.

¹⁰ Такташова Л. Неизвестная старообрядческая икона // Наше наследие. М., 1990. В. IV(16). С. 132.

¹¹ Булгаков С.В. Настольная книга священнослужителя. М., 1993. Т. I. С. 527.

¹² Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX — 20-е гг. XX века) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142—170.

¹³ Костоловский И.В. Из поверий Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 3—4. С. 226.

¹⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 3. С. 80.

¹⁵ РЭМ. Опись 2. Д. 510. Л. 27; Д. 442. Л. 25.

¹⁶ Листова Т.А. Ребенок в русской семье. Рождение, крещение. 2-я половина XIX—XX вв. // Обычаи и обряды связанные с рождением ребенка. (Библиотека Российской этнографической комиссии). М., 1995. С. 8—9.

¹⁷ РЭМ. Ф. 7. Д. 69. Л. 5.

¹⁸ Балов А. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. VI. № 3. С. 92.

¹⁹ Булгаков С. Указ. изд. С. 996.

²⁰ РЭМ. Ф. 7. Д. 240. Л. 11.

²¹ «Ничто так не устрашает ведьм как четверговая (страстная) свеча, где горит она, там бес-

- сильны их чары и волхования» (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Указ. изд. Т. 3. С. 82).
- ²² Успенский Д. И. Родины и крестины... Указ. изд. С. 78.
- ²³ Интересно, что в древних греческих и славянских Требниках указывалось, что до XV в. при крещении девочек также носили в алтарь и совершали с ними поклонение святому престолу. Но в отличие от мальчиков, их обносили не с четырех, а с трех сторон престола, совершая подобающие поклонения. Приблизительно с XV в. под влиянием воззрения, что женщина не имеет права вступать в алтарь, эта практика начала выходить из церковного обряда (Алмазов А. И. История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1884. С. 286, 491, 494).
- ²⁴ РЭМ. Д. 1518. Л. 2.
- ²⁵ Успенский Д. И. Родины и крестины... Указ. изд. С. 74.
- ²⁶ РЭМ. Ф. 7. Д. 930. Л. 4.
- ²⁷ Булгаков С. Указ. изд. С. 1005—1006.
- ²⁸ Отечественные подвижники благочестия. М., 1994. Июль. С. 568.
- ²⁹ Чудотворные иконы Матери Божией. Коломна, 1993. Ч. 2. С. 687.
- ³⁰ Дивильковский б/н. Уход и воспитание детей у народа / Ред. Чарушин А. А. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера [Журнал жизни Северного края]. 1914. № 18. С. 596.
- ³¹ Там же.
- ³² Земная жизнь Пресвятой Богородицы / Сост. С. Снегосорева. Ярославль, 1998. С. 397.
- ³³ Дивильковский б/н. Уход и воспитание детей у народа. Указ. изд. С. 599.
- ³⁴ РЭМ. Ф. 7. Д. 56. Л. 4.
- ³⁵ РЭМ. Ф. 7. Д. 21. Л. 162.
- ³⁶ РЭМ. Д. 1549. Л. 8. Ср. также: Листова Т. А. Похоронно-поминальные обычаи русских // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. Библиотека Российского этнографа. М., 1993. С. 51.
- ³⁷ РЭМ. Ф. 7. Д. 69. Л. 7; Д. 216. Л. 124; Д. 1833. Л. 4; Д. 65. Л. 49.
- ³⁸ Листова Т. А. Похоронно-поминальные обычаи русских. Указ. изд. С. 56—57; Булгаков С. Указ. изд. Т. II. С. 1291.
- ³⁹ РЭМ. Д. 840. Л. 5.
- ⁴⁰ Русская историческая библиотека. Б/г. Т. VI. С. 37.
- ⁴¹ Старец Захария. Житие: подвиги и чудеса. М., 1998. С. 64.
- ⁴² РЭМ. Д. 162. Л. 23; Д. 1411. Л. 22. Ср. также: Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обряды у русских // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. Библиотека Российского этнографа. М., 1993. С. 16; Булгаков С. Указ. изд. Т. II. С. 1294 (примечания).
- ⁴³ Носова Г. А. Русский традиционный похоронный обряд: современные формы // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. Библиотека Российского этнографа. М., 1993. С. 111.
- ⁴⁴ Булгаков С. Указ. изд. Т. II. С. 1329—1330.
- ⁴⁵ Костоловский И. В. Изповерий Ярославский губернии. Указ. изд. С. 220.
- ⁴⁶ Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. СIII—CIV. 1914. № 3—4. С. 82.
- ⁴⁷ Там же. С. 83.
- ⁴⁸ От внезапной, скоростипижной смерти молились святым Харлампию (память — 10 февраля) и Садоку Персидскому (19 октября), просившему Бога в предсмертной молитве, чтобы молящиеся от его имени получали спасение.
- ⁴⁹ Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии. Указ. изд. С. 83.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ РЭМ. Д. 1669. Л. 6; Славянские древности. Т. I. М., 1995. С. 465.
- ⁵² Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии. Указ. изд. С. 88.
- ⁵³ Там же. С. 89.
- ⁵⁴ Кондратьев И. К. Седая старина Москвы. М., 1937. С. 84.
- ⁵⁵ Возможно, этот обычай берет начало от первых христиан. Тогда общение Церкви земной и небесной выражалось молитвами на гробах мучеников и святых во время Литургии, которую служили на могилах, а их гробы были престолами.
- ⁵⁶ Фильмонов Г. Иконные портреты русских царей // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1975. № 6—10. С. 38.
- ⁵⁷ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2. М., 1903. С. 274.
- ⁵⁸ Архимандрит Макарий. Русская святость в истории, иконе и словесности. Очерки русской агиологии. М., 1998. С. 77.
- ⁵⁹ Земная жизнь Пресвятой Богородицы. Указ. изд. С. 391, 388.
- ⁶⁰ В 1446 г. в княжение великого московского князя Василия Васильевича (1425—1462 гг.) происходила междоусобная борьба между ним и удельными московскими князьями. В этой борьбе великий князь потерпел поражение и, спасаясь от гибели, скрылся в Троице-Сергиевой лавре. Но здесь он был настигнут князем Иваном Можайским и другими воинами. Преследуемый ими, он заперся в Троицком соборе. Взяв с гроба преподобного Сергия икону, он открыл южные двери собора и, когда неприятель ворвался туда, встретил его с иконой в руках и сказал: «Брат, мы целовали животворящий крест и сию икону, чтобы нам не мыслить зла друг на друга» (Чудотворные иконы Матери Божией. Указ. изд. С. 606). Князь Можайский был тронут такой встречей своего соперника, смигнулся и дал обещание перед чудотворным образом, что не причинит ему никакого зла.
- Во время Отечественной войны 1812 г. московский митрополит Платон послал эту икону императору Александру I, который отправил ее в ряды ополчения. Там встретили икону с радостью и благовоением, ведь именно преподобный Сергий считается небесным покровителем Москвы.